

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

лейтенантские звезды и он займёт место в одной из таких же боевых машин. Только вот имя покойного...

Спрыгиваю с брони. Непроизвольно задерживая себя, трогаю мокрые бока лошади. Из детства всплывает отцовское предостережение: потных лошадей не поить, прежде надо давать им остыть. Тем более, тняет прохладным ветерком. Чересседельник совсем истончился, а вот ступицы в колёсах можно было бы и смазать. Или солидола теперь днём с огнём? И, кстати, совсем необязательно, что это "мой" дед Федя. Человека два-три с этим именем в селе точно ещё есть...

— С мамкой твоей... — первой же фразой рассеивает надежды Стёпка Палаш, и я трогаю под пыльной простыней торчащее острое плечо. Дед Коля, заглядывая под покрывало, развязывает какой-то узел около лица покойного, словно не желая открывать и показывать его лицо в неприглядном виде. Вытаскивает повязку, приоткрывает простынь.

Он. — Как? Почему оказался там? — Командир его умер, поехал к нему на похороны. Да при наградах, как положено. А там, видать, это как раз и не положено. Налетели скачущие. Может и не тромб — сердце оборвалось...

Он ещё что-то говорил, а я всматривался в знакомое, хотя и не бритое, осунувшееся лицо старого партизана. Он воевал вместе с моей мамой в отряде, которым командовал её отец. Однажды в окружении, когда не осталось надежд вырваться, дедушка свою дочь и самого юного из разведчиков Федю вместе с ранеными отправил через болото. А сам повёл отряд на прорыв в другом месте, отвлекая на себя немцев. Погиб, когда поднимал партизан в атаку и закричал "ура". Пуля попала в горло, она словно хотела остановить этот клич — клич отваги и победы...

Когда я оказался в плену в Чечне и за меня затребовали миллион долларов выкупа, и люди понесли родителям деньги — кто сто рублей, кто пятьдесят, дед Федя вместо живых денег принёс баночку краски:

— Вот, хотел бабке своей крест на могиле обновить, но пусть полегит под старым. А тут, ежели краску продать, какая-никакая, а копейка появится. Вдруг её-то как раз и не будет хватать на освобождение...

И вот дед Федя лежит передо мной на старой скрипучей телеге с вырванными медалями. Живой, он не только хранил память о войне и погибших односельчанах. Он, как тогда при прорыве, словно прикрывал собой ещё и маму. Теперь, выходит, она осталась крайней, последней из отряда...

Господи, как всё вдруг сошлось около деревенской телеги. И боль, что текла из Украины в Россию далеко-далеко отсюда и, казалось, не затронет меня живую, вдруг выцелила острием в самое сердце. Дотянулась через сотни километров, отыскала меня среди перелесков, пронзила, заставила бессильно замереть. И я со своей — не своей колонией, опоздавший на какие-то сутки. Авось бы наш проезд утихомирил горячие головы там, за дубками, вдруг не преодолели стеной разделившими всех, кроме контрабандистов.

Зашелестела в голос трава у колен. Ветер от дубков, легко разогнавшись по чистому полю, упруго ударил в спины. Вихрю они препятствовали не послужили, ему бы мчаться дальше, но он почему-то закрутился юлой вокруг нас, психом расшвыривая из телеги соломенную подстилку. Орлик тревожно зафыркал, и Степан, преодолевая сопротивление, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Дед Коля навалился на телегу, вцепился в свата, — то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вонзист умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, захромыхало, потемнело вокруг, завывло.

— Давайте к нам, — позвал полковник в десантный люк.

Но я остался со стариками. Повторяя Трояка, навалился на телегу, закрывая собой деда Федю. Что уже натворил смерч на украинской стороне, нам было неизвестно, требовалось сбереечь своё — живых и мёртвых.

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Нам время в любом случае показалось в два раза дольше...

Первым и пришёл в себя он — зафыркал, словно очищая забитый пылью рот. Унялась у ног омытая трава. И солнце вновь заластилось с неба: "Ничего не помню, ничего не знаю, не при мне было". Подняли головы на меня и старики: что это было? Американский торнадо, подчиняющий себе всё? Он такой, он вечно готов свалиться туда, где ещё минуту назад светило солнце, чтобы перекурочить, разметать, сломать мирную жизнь. Не знаем, как на Украине, а вот мы выставили! И никого не сдали...

Спрыгнул с БМП, удерживая от тика щеку, полковник. Неожиданно сделал то, что обязано было исходить, наверное, от меня, — перекрестился. Знать, повидаль и прочувствовал за время нашей разлуки что-то более значимое в этой жизни.

— Я уведу броню в другое место, — прошептал затем только для моих ушей.

— Зачем?

Но он уже подтолкнул меня плечом — ещё наверняка увидимся. Вспрыгнул с разбега на острую грудь машины, отдал команду, и та осторожно, чтобы не испугать лошадь, развернулась, ушла виражом к кладбищу. За ней, как за вожакom, начала вылетать из засады и выстраиваться журавлиным клином ослепшая "гусанка". Не закурылкала — ревела моторами на грешной земле. Оно и правильно: что бы ни летало в небе, земля остаётся у тех, чей стоит на ней пехотинец. А я для них всё же лучшее в округе место выбрал. И какая защита была родному селу!

Но бронеколонна истончалась, исчезала в самосебе, и вдруг меня пронзило: а ведь командир вводил не просто свой клин. Он вводил от могил моих родных и близких, к которым я ненароком, думая только о военной выгоде, привёл войну. Словно заглянув в неведомые мне глубины, полковник распознал какую-то неправильность сделанного мной, и теперь прикрывал не только страну, выделенный ему участок границы с моим селом, но и лично меня. Уралец оказался мудрее на ту самую контузию, которую заполучил без меня на одной из войн.

И как совсем недавно я кивал могилам родных с брони БМП, кланяюсь незаметно всплывающей колонне. Спасибо. И... и тем не менее, всё равно! — танцуйте, мужики. Танго!

Лезгинку. Краковяк. Жемжурку!

Танцуйте без усталы, с полной отдачей, пусть даже ради других — как только и может русский солдат. Потому что наша телега с дедом Федей — она тоже из той, общей боли, что течёт к нам с юго-востока. И как жалел командир, но как пока не будет на самом деле — пусть окажется последней.

— Но, милый, — тронул Орлика Палаш.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Этих медленных крыльев размах...

Ты произнёс: "У тебя нет сердца!" Но разве так может болеть пустота? Разве не нам суждено было греться друг возле друга, друг в друга вращать?

Видимо, это моя Голгофа. Видимо, милый, я не умерла! Не было б сердца — не было б плохо, киллер не целился б из-за угла...

Что, с бессердечной-то, взять? Бесплезно было заглядывать,

силясь, в глаза!

В душу — не плюнешь,

в жизнь — не полезешь.

Пусто. Вакуум. Золотит, нельзя.

Зверь оплатил золотику бы шкурой, рыба по-царски похлёбкою — ешь! Все мы такие, влюблённые, дуры, вот она где — в полушарии — брешь!

И не прошу у тебя я прощенья, руки тяну да в колени паду! Ты — моё лучшее из прегрешений, ты, что хмельная польнь на меду!

Связано. Скреплено. Миром не скрепишь то, что сцепить можно только войной! Светится сердце моё сквозь столетия, что напиталось минутой одной!

ГЛИНЯНАЯ СТАТУЭТКА

Глиняный, странный, простой человек, из-под малиновых смотрит он век. Мною был купленным в лавке вчера. Где его родина — снов и добра?

Просто фигурка, нарядный кафтан, он — статуэтка, он держит баян. Чьё он творенье?

Не наше ль с тобой — глиняных, каменных, с разной судьбой?

Бросил любимый — суглинка певец, вот мы и стали людьми — без сердец!

Помню: дышала, любила, жила, глина была под рукою светла. Но я справлялась с работой любой — глиняной, каменной, сложной, простой.

На черепки разлетелась семья, люди, вяжите покрепче меня!

Я хочу понимать этих медленных крыльев размах — соколиных, орлиных, синичьих, совиных в раскрыти! И катать за щекой, словно звук тот, что выдохнул Бах, зимних ягод мороз, ясным солнцем полдненным политых! И две косточки белых почувствовать на языке. И уйти от того,

что так больно и долго любила! Ах, гнездо родовое, что слеплено на сквозняке из пушинок, листочков, травинок, поддонного ила!

Ах, простор вековой, никогда не предам я твою травяную, пронзительно нежную, ясную силу! Для того я живу, для того я, наверно, пою под огромным, щемящим — под небом янтарным и синим!

Из телефона номер стёрла, из сердца не могу стереть... Ты, сердце, слышном непокорно, так можно заживо согреть! Как ты болишь там, где аорта, где буйных красок кровотоки! Из телефона номер стёрла, с ним вместе тысячу дорог и слов: "Любимый мой, желанный!", нирвану, сумерки, февраль... Но как убрать — сплошной, багряный закат во всю сквозную даль? Как выжечь брызги водопада, летящего потоком вниз? Забыть неизбежную радость и эту родственную близь? Оттять, отнять, забыть, отторгнуть, рассечь, разять напополам? ...Тяну я на одном моторе среди крапив, колдобин, ям. Из афродитовых окружий, когда нацелены все ружья повально — во все сотни снов! Когда Египта пирамиды, сжав плотно атмосферы слой вопят угольно: "Ах, изыди!"

Забудь, умри и стань собой! Мне стать собой? Когда тобою жила, молилась много дней. (Теряю — вместе с головою, люблю — всё жарче и больнее!) Удары глуше. Тише. Ну, же свернись в бараний рог, в дугу, ах, чувство, ах, любовь, ах, дружбе — что с корнем вырвать не могу!

А мне довольно того звезде...
Новелла Матвеева

1. ...И мне того звезде довольно, хранилось где твоё пальто! Вот только не было бы больно в груди под блузкою простой...

Вот только б не в ладонь!

(Предательства и так не счесть нам на земле!) А — в деревянный брус на даче, где чай дымился на столе.

И где ласкались мы губами к пахучим чашкам — мята, мёд, шалфей, распаренный с листьями, дымок, летящий в небосвод!

Такая нега, ласка, сонность, ни гроз, ни ветра, ни забот. И нежность, словно невесомость, вечерний, тихий ледоход...

2. О, нет я вру, звезда довольно! Когда довольно плахи мне! Колокола в первопрестольной, всего того, что снится мне. Двадцатый век, век двадцать первый, век потрясений, распрей, войн, вошёл и в кровь мою, и в нервы гвоздём не в дерево — в бетон!

3. Мы так привычны к расставаньям. Как я, не ждёт уже никто, чтоб обнимались руками твоё пальто, моё пальто. Чтoб на одном гвозде ютились! Тогда б затихли зло, до слёз все распри,

в мире что случились, лучи планет у нас скрестились, как гвоздяные ранки звёзд!

Здесь, Киев, эхо твоих драм: Руки, плечо презревшей смело, Себе самой нанёсшей шрам, В кровь оторвавшись

вдруг от тела. Ты равнозначности не внял Частей всех у Славянства корня. Равней ли равных, Киев, стал? Равней ли — киевская дворян? Ну, разве можно отломить Часть лучше,

часть вкусней у хлеба? И разве можно разделить На ниже-выше части Неба?

Вместит грядущий приговор Убийц подлейшие витийства, Сверхизыскан руковорный мор: Все разновидности убийства.

Вам отомстит Юго-Восток, Вам, неразумнейшим хазарам, Вам, бредящим добавив ток К славянского народа карам. Сепаратисты — вы! — народ Отфильтровавшие террором! Вы — террористов жуткий сбор! Вы — каннибалы с хищным жором! По лжи, войны несносный зуд Бесстыдной ложью прикрывая, Вы мните: вас минует суд, Несущих свечи, в храм вступаю. Свеч будет Божий нам укор, Что меч взнесён над палачами, Когда вдруг встретится ваш взор С согнувшимися вниз свечами.

Мы ж, Русский мир, лжи вопреки, Вас победим в той самой встрече, Когда расправим две Руки — Славянские России Плечи!

<p><u>Поэма</u></p> <p>Велик тысячелетний срок Руси, умноженной царями; Неразделимой, как поток, Ни Серединой, ни Краями... В убранные Церкви золотой Владимир сердцем стал добрее; Не стало дел в Руси Святой Крещения Киева мудрее. Он стал могучею рукой "Крещения ключами" краем. Он — Русь сама, что мчит рекой, Не расплескавшейся ручьями. Русь, не дробя реки поток, В себе все части сохраняет: С реки не вытечет исток — Река ручьи в себя вбирает. В ручье нет сил реки волной Приобрести себе течение. И вытечь из реки родной Из мук всех — худшее мученье...</p> <p>Так паны, хан — мучений гнет На Украины кляли плечи. Их смаял Переяславский взлёт Руси и Запорожской Сечи. Поляков, немцев стук сапог Ты слышал, Киев; </p>

Простое платьице, знакомые черты, Походка, речь, волос пшеничных море — И горечь той несбывшейся мечты В глазах твоих, в печальном взоре.

Час расставаний — самый тяжкий час, Уж время — враг,

и мы пред ним бессильны, И холодит извне пришедший страх, Окутав нас грядущим звуком зимним.

Мы расстаёмся, миг не удержать, И день осенний лист кружит повсюду — Остатки лета,

чувств прощальных страсть И шёпот твой. Тебя я не забуду...

И памятью ушедшей этих дней

я возвращусь

К тем дальним отголоскам, И будет сниться нежность тополей, И наш с тобой — прощальный — перекрёсток.

Но всё пройдёт в мелькании времён, Как сон растает на пороге света, И лишь оставит лёгкий сердцу стон И прежних чувств забытые приветы.

Так не хочешь — и не надо, Мне так проще уходить, И несбывшаяся радость Ещё будет впереди.

И пойду я под оконце К той, кто ждёт меня в ночи, И поутру встретим солнца Сердцем радости лучи.

С ней присяду у порога — Не прощаясь... И смирюсь, И забуду недоотругу. А завтра вдруг напьюсь.

Буду в дым, как "клён кудрявый", За околицей шуметь, И под старую гитару Хрипло песни стану петь.

Ну, а ты холодной статью Будешь ждать идилий миг, Будешь ждать других объятий — Видно самых дорогих.

Но природой срок отмерян — Пустотой не удержат, И осколков пылких бремя Не вернуть и не догнать.

Нас судьба с тобой свела — осенью, Над землёй, словно смерч, годы носятся, Голова моя давно уже с проседью, Ну, а сердце всё к тебе просится.

Всё несётся сквозь бури и дали И дождей ледяные ненастья, Будто идет в море печали Островок тот — забытого счастья.

Средь осин и берёз пожелтевших Бродит тихо, не зная приюта, А потом, птиц увидев летевших, Встрепенётся — сорвётся с маршрута.

И на срезе последнего круга...

Александр САРЫЧЕВ

И томимое грустью до края, В унисон с завывающим ветром Под аккорды собачьего лая Для тебя будет слать приветы.

Будет слать в синеву бездонную Дальних звёзд, под которыми вместе Мы бродили — так молодо вольные, И любовь свою пели как песню.

И на срезе последнего круга Безнадёжно раненой птицей, Как за самого лучшего друга, За тебя будет сердце молиться.

У МОРЯ

Ты помнишь берег голубой И шумный плёс, Весёлых чаек рваный строй Кружит над нами, И тёплый ласковый прибой, Как верный плёс, У ног твоих всё лижет камни?... И свежий ветер гор уже пьянит, И губ солёных сладкий вкус дурманит, И алый парус над волной летит, И как в ночи костёр зовёт и манит.

О, моря дух, о жизни красота, В таком бурлящем вихре сладострастий, И нежный взгляд Твоей кошачьей власти, И звёзд доступных высота, И струй холодных водопад...

Память не забыла, Сердце не остыло,

Но умчалось вихрем Время без остатка, Эту тройку жизни Нам уж не догнать, И не та осанка, И закрытый терем, И последних листьев Жёлтых благодать.

МИСТЕР ГРУСТЬ

Говорят, что я мистер Грусть, — ну и пусть,

Ведь в России родился И когда-то в России крестился. Говорят себе — ну и пусть.

Эту грусть получил от полей, Что порой не окинешь взглядом. Под прощальный крик журавлей Бог мне эту послал награду.

И ещё эта грусть от росы Поутру, что свежит слезою, От прошедшей вчерашней грозы, От тумана над тихой рекою,

От берёз, что стоят у пруда, Словно девки

в детстве далёком, И к которым спешу всегда Поклониться своим истокам.

Здесь родник из земли святой Орошает водой ключевой, И склонившись над ним главой, Клён своею шумит листвою.

И картин этих нежных дым, Перемешанный с грустной сенью, Стал он нравом теперь моим, Стал он божьим моим спасеньем.

Говорят, что я мистер Грусть, — ну и пусть,

Ведь с Россией повенчан, И дарами её увенчан, И Россией своей горжусь.

ТЫ ВЕРНУЛСЯ В ГАВАНЬ СВОЮ

Ты вернулся в гавань свою, В порт постоянной приписки, Как и прежде снова в строю, Над тобою флаг реет российский.

Ты в походе далёком, иль где же ты был? —

По тебе вся Россия скучала. Ты терпел, ты молился

и вот ты доплыл, Вновь стоишь у родного причала.

С непокорной и гордой стоишь головою, Ты вновь русский, а как же иначе. Ты вернулся домой, ты вернулся живой, Мы от счастья и радости плачем.

Вновь ликуют сердца, слёз не прячем своих, Не страшны нам шторма и невзгоды,

Всё теперь до конца, всё теперь на двоих — И закаты, и жизни восходы.

Сквозь пролива туман и раставший дым По плечу нам любая стихия, Салютуем, поём

и кричим тебе — КРЫМ! Ну, а ты отвечаешь — РОССИЯ!

